

Святилище Дити пряталось в дальнем уголке Маврикия, где на стрелке западной и южной оконечностей острова вознесся продуваемый ветрами скалистый купол Ле-Морн-Брабан. Пещера в известняковом утесе, сотворенная ветром и влагой, представляла собою природную аномалию, подобия которой не было нигде на острове. Позже Дити уверяла, что не случай, но сама судьба привела ее к этому невообразимому месту, открывавшемуся лишь тому, кто в нем оказался.

На склоне лет, когда артрит сделал ее колени негнуздими, Дити уже не могла добраться от фермы Колверов, расположенной по другую сторону бухты, до святилища самостоятельно, но только в особом устройстве “пус-пус”, этаком симбиозе паланкина и носилок. И посему паломничество превращалось в полномасштабную экспедицию, требовавшую изрядного числа мужчин, непременно молодых и крепких.

Собрать весь род Колверов (на креольском диалекте “ла фами Колвер”), рассеянный по всему острову и за его пределами, всегда было непросто. Однако раз в году, во время летних Больших выходных накануне Нового года, все старались съехаться. В середине декабря семейство приходило в движение, и к началу праздников весь род пускался в путь: уйма Колверов в сопровождении свояков, своячениц, золовок

и прочих деверей огромным потоком устремлялась к ферме. Одни, обитавшие в Курепипе или Катр-Борне, добирались сушей, в повозках поднимаясь на туманное плоскогорье, другие, жители Порт-Луи или Маебурга, плыли морем, прижимаясь к берегу, пока не завиднеется выступ Ле-Морн-Брабан, затянутый мгlistой дымкой.

Многое зависело от погоды, ибо восхождение на обдуваемую ветрами гору могло состояться лишь в погожий день. Если погода благоволила, с вечера начинались приготовления. Трапеза после *пуджи** была самой желанной частью похода, и подготовку к ней сопровождало взволнованное предвкушение: хижина наполнилась звяканьем сечек по разделочным доскам, стуком скалок и ступок, пока готовились *масала* и *чатни*, а груды овощей превращались в начинку для *параты* и *дхал*** . Затем снедь упаковывали в коробки и корзины, и все пораньше отправлялись на боковую.

На рассвете Дити лично удостоверилась, что путники хорошенько искупались, но не съели ни крошки, ибо их паломничество, как и всякое другое, требовало чистоты тела изнутри и снаружи. Проснувшись, как обычно, первой, она расхаживала по хижине и, стуча клюкой по половицам, на странной смеси родного бходжпури и креольского диалекта возвещала побудку:

— Подъем! Подъем, лежебоки! Хватит дрыхнуть!

Когда все племя наконец пробуждалось, солнце уже подсвечивало облака, цеплявшиеся за макушку Горы. В тарахтящей повозке, запряженной лошадью, Дити возглавляла процессию, которая, миновав ворота фермы, спускалась с холма к перешейку, соединявшему горный монолит с островом. Дальше можно было двигаться только пешим ходом. Дити пересаживалась в пус-пус, который молодые мужчины, чере-

* Пуджа — молитвенный обряд в индуизме.

** Масала — смесь специй, которую добавляют в блюда и напитки; чатни — соусы разных видов: от сладких до огненно-острых; парата — слоеная лепешка; дхал — традиционный пряный суп из бобов, нута или гороха.

дуясь, несли сквозь густые заросли, укрывавшие подножье Горы.

Перед последним и самым крутым участком подъема была славная опушка, где делали привал, дабы перевести дух и полюбоваться восхитительным видом джунглей между зубчатыми береговыми линиями в кайме песчаных отмелей.

Зрелище не завораживало только Дити, которая через пять минут уже рывкала:

— Пошевеливайтесь! Мы здесь не для того, чтоб до темноты пялить зенки на всякую дребедень! Встали! Пошли!

Жаловаться на головокружение и ноющие ноги было бесполезно, в ответ слышалось яростное “*Бус ту фана! Вставай!*”

Правда, никого особо подгонять не приходилось: отправившись в дальний путь натошак, все, а дети особенно, с нетерпением ждали трапезы по завершении пуджи. Крепкие парни подхватывали шесты пус-пуса, и Дити вновь возглавляла поход по крутой осыпчивой тропе, огибавшей горный хребет. И вот вдруг открывалась обратная сторона горы, отвесно обрывававшаяся в море. Налетал оглушительный шум волн, бившихся о скалы, хлестал свирепый ветер. На этом самом опасном участке пути уже было некогда любоваться изогнутым обручем горизонта, соединявшим море и небо. Копуш подгоняла клюка Дити: “*Гаратва! Шевелись!..*”

Еще немного, и паломники достигали неприметного уступа, служившего порогом святилища — удивительного творения природы, в семействе прозванного Узилищем и с которым не смог бы тягаться и обученный архитектор: просторно, почти ровный пол, нависший каменный потолок. Возникавшему впечатлению тенистой веранды способствовала этакая балюстрада из корявых деревьев, вцепившихся в края утеса. Но чтобы глянуть вниз, требовались крепкий желудок и крепкая голова: даже в тихий ясный день казалось, что неистовые волны, проделавшие долгий путь от Антарктики, стремятся смыть дерзкий клочок суши, преградивший им дорогу на север.

Однако Узилище обладало удивительным свойством: стоило сесть на пол пещеры, как волны исчезали из виду, скрытые корявыми деревцами, что изображали балюстраду. Коротко говоря, это было идеальное место для семейных собраний, и зарубежные родичи, изъяснявшиеся на хинди, ошибочно думали, что потому-то оно и прозвано Узилищем — мол, в тесноте, да не в обиде. Но любой островитянин знал, что на креольском диалекте это слово означает еще и доску, на которой раскатывают лепешки *роти*. А прямо посреди пещеры грибной шляпкой торчал огромный плоский валун, трудами не человека, но природных стихий превращенный в удобную столешницу. Женщины тотчас раскладывали на ней *дал-пури** и лепешки параты, наполняя их давеча приготовленной лакомой овощной начинкой из пурпурных корешков, зеленой моринги и прочего.

Сохранилось несколько фотографий Дити того времени, в том числе пара прелестных серебряно-желатиновых дагерротипов. На одном, сделанном в Узилище, на переднем плане Дити сидит в пус-пусе, поставленном на пол пещеры. Она в сари, но, в отличие от других женщин в кадре, позволила накидке соскользнуть с головы, обнажив невероятной белизны волосы. На *паллу*** , переброшенном через плечо, висит связка ключей, символизирующая главенство в семье. Круглое смуглое лицо изборождено глубокими морщинами, дагерротип отлично передает впечатление огрубелой задубевшей кожи. Руки сложены на коленях, но в целом поза не выглядит спокойной: губы плотно сжаты, сощуренные глаза направлены прямо в объектив. Один глаз, затуманенный катарактой, лишь тускло отражает свет, а вот другой, неоспоримо серый, смотрит твердо и пристально.

За спиной Дити виден вход в собственно святилище — не верится, что столь узкая расщелина ведет в еще одну пещеру.

* Дал-пури (дхай-пури) — очень тонкие лепешки из гороховой муки.

** Паллу — свободный конец сари, служащий накидкой.

На заднем плане толстяк в *дхоти** выстраивает детишек в ряд, чтобы следом за главой семейства они прошли во внутренний покой.

Дити строго следила за этой незыблемой частью ритуала: малыши должны первыми совершить пуджу и поесть раньше других. Во главе юной поросли Колверов она — в одной руке клюка, в другой горсть свечей — шагала в святилище. Изголовавшиеся ребятишки поспешали за ней, даже не глядя на стены большой пещеры, покрытые рисунками. Малую пещеру Дити называла своей молельней. В обычной церкви это была бы алтарная часть — здесь изображения божеств группировались вокруг фигур, менее знаменитых в индуистском пантеоне: марутов и бога ветра Ваю, отца Ханумана**. При мигающем пламени светильника детишки наскоро совершали пуджу: бубнили мантры и шептали молитвы. Затем, в ритуале арати осыпав цветами божества и заглотив ломивший зубы прасад, они спешили в Узилище, где их встречали криками “К столу, к столу!”, хотя в пещере не было ни столов (одни банановые листья), ни стульев (одни подстилки и коврики).

Еда, приготовленная в незамысловатой утвари на открытом огне, всегда была вегетарианской и потому очень простой. Основу составляли лепешки параты и дал-пури, а вдолгонку к ним шли люффа, маринады, паста из томатов и арахиса, чатни из тамаринда и плодов комбавы, а иногда из лайма и билимби, огненный *мазавару**** из перца чили и лайма и, уж конечно, *дахи* и *гхи***** из молока от коров Колверов. Пицца, повторимся, была простейшей, но после трапезы все, привалившись к стенам пещеры, стонали — мол, так объелись, что вот-вот лопнет живот...

* Дхоти — традиционная мужская одежда, ткань, обертываемая вокруг ног.

** Хануман — чтимый в индуизме Бог-обезьяна, сын бога ветра Ваю и апсары (полубогини) Пунджисталы.

*** Мазавару — очень острая приправа, в которую, кроме чили и лайма, добавляют имбирь и чеснок.

**** Дахи — кисломолочный продукт, отдаленно напоминающий йогурт; гхи (ги) — топленое масло.